

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ПРАВОСЛАВИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЙНА И НАСИЛИЕ, ГЕРОИ И СВЯТЫЕ

НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ РОССИЙСКИХ МЕДИА В 2015 ГОДУ

9 декабря 2015 г. | Москва

Докладчик:

Сергей Чапнин

заместитель главного редактора Издательства
Московской Патриархии, ответственный
редактор «Журнала Московской Патриархии»

К 2015 году Русская Православная Церковь в целом оказалась в ситуации *нового молчания*. В публичном пространстве звучит фактически только один голос – это голос Патриарха Кирилла. Все остальные преимущественно молчат, не позволяют себе развернутых высказываний – только краткие комментарии по отдельным, всегда очень конкретным поводам.

Это, безусловно, новый стиль. Он ярко иллюстрирует растущее значение иерархической доминанты в жизни Церкви. Точнее, понимание иерархии как единоначалия в лице патриарха.

Молодой епископат – а это почти две сотни сравнительно молодых людей, рукоположенных при Патриархе Кирилле, – остается *темной лошадкой*. За 5-6 лет своего существования он еще ничего не сказал. Возникает вопрос: почему молодой епископат не говорит – не хочет, или не умеет, или боится? Это молчание – пауза *накануне больших перемен* или *стремление уйти* из публичного пространства? По состоянию на конец 2015 года эти вопросы остаются открытыми.

Конечно, есть и исключения. Если говорить о церковном *истеблишменте*, то здесь исключение составляют, пожалуй, только протоиереи Всеволод Чаплин и – всё в меньшей степени – Дмитрий Смирнов. Но и они высказываются *по-постмодернистски фрагментарно*, даже их позицию приходится реконструировать. В публичном пространстве громче всего звучат не высказывания по существу, а отдельные эпатажные реплики.

И, похоже, многих это устраивает. Чаплин продолжает высказываться, начальство продолжает терпеть. Недоумение у православных (в том числе священников и епископов) растет. А в обществе растет раздражение по отношению к Православной Церкви: ну куда эти попы опять лезут? Отношения Церкви и, в частности, современной культуры приобретают всё более карикатурный характер.

Из тех, кто находится вне патриархийного истеблишмента, звучат довольно разные голоса: протодиакона Андрея Кураева, протоиерея Алексея Уминского, Андрея Десницкого – библиста, неожиданно увлекшегося публицистикой.

На каком-то отдельном языке, обращаясь к своей довольно замкнутой аудитории, говорят условные «правые» – священники Александр Шумский и Сергей Карамышев, Анатолий Степанов и другие.

Их логические схемы и риторические фигуры – иллюстрируют главным образом верноподданнические чувства к президенту:

Владимиру Путину приходится подкармливать пираний, чтобы они не опрокинули государственную лодку в самый судьбоносный и ответственный момент нашей истории. Но Владимир Владимирович хороший рыбак, и я уверен, что он найдет

управу и на этих страшных многочисленных либеральных рыб. Надо набраться терпения и усилить молитву за нашего Президента.¹

Шумский, «Путин, аллигаторы и пирании»

Особняком стоят афонские и прочие старцы. Их голоса сейчас тоже достаточно регулярно можно услышать в СМИ, но серьезного резонанса они не вызывают. Правда, в последние недели 2015 года, после того как Турция сбила российский бомбардировщик, многие вспомнили слова Паисия Святогорца:

Помысел мне говорит, что произойдут многие события: русские займут Турцию, Турция же исчезнет с карты, потому что 1/3 турок станет христианами, 1/3 погибнет и 1/3 направятся в Месопотамию... В Константинополе произойдет великая война между русскими и европейцами, и прольется много крови. Греция не будет играть первенствующую роль в этой войне, но ей отдадут Константинополь, не потому, что перед нами будут благоговеть русские, но потому, что не найдется лучшего решения, и договорятся совместно с Грецией, причем на них будут давить трудные обстоятельства².

* * *

В условиях, когда ни программы действий, ни целостного видения Церкви ни у кого в самой Церкви нет, – многие реакции ситуативны, стратегии не просматриваются – исследователю неминуемо приходится обращаться к отдельным высказываниям. И на этой основе описывать тот набор идей, который сегодня представители Церкви и те, кто прямо апеллирует к православной традиции и православным ценностям, транслируют в публичное пространство.

Отмечу, что официальные церковные документы работают плохо, за редким исключением все они носят формальный, я бы даже сказал – технический характер. Однако и из этих документов, например журналов Священного Синода и определений Архиерейских соборов, можно реконструировать – хоть и фрагментарно – основные направления развития Церкви, прежде всего в церковно-практической области.

Проповедь как форма актуального, содержательного высказывания практически исчезла. В ней крайне мало богословия, аскетики и даже желания поделиться духовным опытом – в большинстве случаев немного истории плюс бесконечное морализаторство.

Именно поэтому наиболее очевидным материалом для анализа становятся публичные высказывания и действия как церковных лидеров мнений – православных активистов, священников, епископов и старцев, так и государственных чиновников, чьи высказывания порой прямо соотносятся с церковной культурой в широком смысле слова.

¹ http://ruskline.ru/news_rl/2015/10/21/putin_alligatory_i_pirani/

² Иеромонах Христодул Агиорит. Избранный сосуд (Старец Паисий 1924-1994). Кн. 2. – Спб: 2000. – С. 183.

Организаторы семинара попросили меня сформулировать свое отношение к проблеме идеологического многообразия Русской Православной Церкви. Если говорить теоретически, то да – можно представить определенный спектр различных течений и групп, позиция которых определяется их ответами на два вопроса:

- а) какой должна быть модель устройства церковной жизни?
- б) какой должна быть модель взаимодействия Церкви, общества и государства?

Однако недостаточно поставить этот вопрос и дать на него ответ. Необходимо свой ответ дать публично и действовать соответствующим образом. Поэтому, переходя от теории к практике, я должен признать: нет, в сегодня в Русской Церкви нет идеологического многообразия. Или даже так: оно сегодня исключительно кажущееся, *мнимое*.

Тем не менее ответы на вопросы, поставленные выше, в целом известны, и они определяют два основных течения, которые реально существуют в Церкви. И центральным оказался не вопрос о церковной жизни, а об отношении к государству.

Собственно, и на первый вопрос, и на второй существует всего по два ответа.

В отношении церковной жизни развилка выглядит так:

Первый ответ: в церковной жизни в целом всё хорошо, перемены не должны затрагивать тех основ и принципов, которые унаследованы от синодального периода и церковных практик советского времени;

Второй ответ: жизнь человека в XX-XXI веках радикально изменилась; если в церковной жизни не будет перемен, которые отвечают на вызовы времени, маргинализация Церкви неминуема; нужны серьезные реформы.

В отношении с государством и обществом развилка выглядит иначе:

Первый ответ: естественное состояние Православной Церкви – быть в тесных отношениях с государством, не сливаться с ним, но всегда быть рядом; Русская Православная Церковь – всегда была и будет «Церковью империи» (какой именно – православной, советской или постсоветской – не так важно), и этот статус ко многому обязывает;

Второй ответ: Церковь прежде всего призвана развивать отношения с гражданском обществом, понимать его, заботиться о человеке; сама Церковь должна стать авторитетным институтом гражданского общества, а в отношениях с государством как минимум «держаться дистанцию», не отождествляться с ним, не брать у него слишком много денег, не обслуживать его идеологические потребности.

Формат моего выступления не позволяет проиллюстрировать все возможные варианты, поэтому в качестве иллюстрации предлагаю обзор некоторых событий и высказываний со стороны так называемых «правых», т. е. тех, кто выбирает первый вариант ответа на оба вопроса, и небольшой комментарий к ним. Для удобства я выбрал события, хронологически ограниченные 2015 годом, которые у многих из нас еще на слуху.

Протоиерей Всеволод Чаплин и «священная война»

В дни первых бомбовых ударов России по позициям ИГИЛ в Сирии мировые СМИ обошла новость о том, что Русская Православная Церковь назвала участие России в боевых действиях в Сирии «священной войной».

СМИ неточно процитировали слова прот. Всеволода Чаплина, который сказал буквально следующее:

*Борьба с терроризмом, за справедливый мир, за достоинство людей, которые испытывают вызов террора, – это очень нравственная, это, если хотите, **священная борьба**, и сегодня наша страна является, наверно, самой активной в мире силой, которая противостоит террору.³*

Акцент прот. Всеволодом поставлен немного иначе, но надо сказать, что эта ошибка СМИ возникла не на пустом месте. Прот. Всеволод любит говорить о священной войне. И в последние годы он, говоря на самые разные темы, использовал термин «*священная война*».

Так, 2 июня, выступая в Общественной палате, о. Всеволод призвал объявить «священную войну» всем медицинским учреждениям, где делают аборт:

*Очень важно, чтобы общественность, которая занимается сохранением жизни, объявила сегодня **священную войну** тем учреждениям, которые, будучи частными, не исполняют общегосударственных и обязательных, для частных учреждений в том числе, норм, касающихся производства абортов.⁴*

Другими словами, он признает, что возможно не только моральное, но и «божественное» оправдание насилия в жизни современного общества.

Месяцем позже, 4 июля, выступая на телеканале «Союз» в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, о. Всеволод и ее назвал священной:

*Бог был с нашим народом, Он его вел в этой **священной войне**. Не нужно сегодня стесняться и стыдиться об этом свидетельствовать вновь и вновь.⁵*

Можно утверждать, что отец Всеволод развивает новую для христианства концепцию «священной войны», которая носит тотальный характер и проецируется и в личную, и в общественную жизнь, и в историю. Какое отношение имеет эта концепция к православной традиции и шире – к христианству – это предмет отдельного исследования.

Далее я предлагаю проследить, как его – казалось бы, очень авторскую – концепцию подхватывают, интерпретируют и развивают в самых разных сферах: от церковно-государственных отношений и общественно-политических акций до молодежной работы.

³ http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151006_syria_christians_holy_war

⁴ <http://www.interfax.ru/russia/445157>

⁵ <http://www.patriarchia.ru/db/text/4148402.html>

Александр Проханов. «Корпоративная икона» Сталина

В 2015 году к 70-летию Победы Изборский клуб заказал большую икону. Александр Проханов, председатель клуба и «автор идеи» этой иконы, утверждает, что это вполне традиционная с православной точки зрения икона Божьей Матери «Державная». Однако Богоматерь занимает не больше трети иконы, а две трети – это с точки зрения композиции «собор святых»: около 50 «маршалов победы» во главе с Жуковым и в центре в белом кителе генералиссимус Сталин. Все они без нимбов, но не исключаю, что это только пока.

Я бы назвал это «плакатом на религиозную тему», но сам Проханов с гордостью называет это нечто «корпоративной иконой»⁶ Изборского клуба. Более того, Проханов утверждает, что икону освятили в Свенском монастыре в Брянске.

Действительно, такую иконографию вполне можно признать корректной визуализацией слов прот. Всеволода Чаплина о том, что *Бог вел народ* в Великой Отечественной войне. Это водительство осуществлялось через военачальников и верховного правителя. Однако примечательно, что – несмотря на то, что композиция иконы вполне традиционная для собора святых, – тем не менее никогда в истории Церкви не возникал образ «собора святых воинов».

Сам Проханов лукавит, утверждая, что Сталин на иконе изображен просто как исторический персонаж. Хорошо известны его высказывания о «святости» Сталина:

*На мой взгляд, Сталин замолил свой грех, одержав победу. Победа – это искупление всех грехов. А если, на твой взгляд, он грешник и не замолил свои грехи, то тогда бы он должен был эту войну проиграть.*⁷

И далее еще более откровенно:

*Герои Великой Отечественной войны – Матросов, Талалихин, Космодемьянская, 28 панфиловцев, Карбышев, Чайкина, «Молодая гвардия» – это все святые. Святые не просто красной эры, а святые в полном смысле этого слова. Потому что война, на которой они мученически погибли, – это христова война. Это война за сохранение райских смыслов, против ада, который вышел из подполья. И Победа в Великой Отечественной войне – это не просто геополитическая военная победа, это христианская победа, это победа рая над адом.*⁸

Примечательно, что в состав Изборского клуба входят и те, кто декларирует свою принадлежность к Русской Православной Церкви. Но никто из них, включая епископа Тихона (Шевкунова), не только не вышел из клуба после как минимум провокационных заявлений Проханова, но даже не выступил с критикой.

Тем не менее две митрополии – Белгородская и Саратовская – все-таки решились выпустить достаточно жесткие официальные заявления, в которых отказались признавать

⁶ <http://www.kp.ru/daily/26395.4/3272311/>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

это изображение иконой и осудили тех священников, которые совершали перед ней молебен.

Мединский: советский «пантеон святых»

Примечательно, что попытки прямого сопряжения культа героев войны с традицией православной святости предпринимает не только экстравагантный публицист, но и государственный чиновник класса «А» – министр культуры Владимир Мединский.

Пренебрегая православным пониманием терминов *подвига* и *подвижничества*, он практически буквально повторяет слова Проханова в интервью «Российской газете»:

*К эпическим советским героям – и к молодогвардейцам, и к панфиловцам, и к Зое – надо относиться, как в церкви относятся к канонизированным святым. Это моя человеческая и гражданская позиция.*⁹

И снова официальные представители Церкви промолчали.

Полагаю, приведенные цитаты Чаплина, Проханова и Мединского являются очевидным подтверждением двух важных тенденций:

- 1) в государстве и обществе сохраняются и даже растут симпатии к *советскому* и ностальгия по сильной стране – империи. Православная Церковь сегодня мыслит себя именно как «Церковь империи» и поэтому не уклоняется от выражения своих симпатий к советскому;
- 2) формируется новая *гибридная* религиозность. Церковная риторика настолько хороша, столько в ней пафоса и романтики, что церковными словами каждому хочется разукрасить свою речь. «Священное», «святые» – эти слова можно использовать, напрочь забыв о Боге, вкладывая в них совершенно «земное», *идеологическое* содержание. Я называю это постсоветской гражданской религией, инкорпорировавшей и православные традиции, и ностальгию по советскому прошлому, и мечту о сильной империи.

Энтео: ненависть и молодежная работа (оскорбленные чувства верующих)

Однако вернемся к «божественному оправданию» насилия и посмотрим, как готовность прот. Всеволода Чаплина не только допустить, но и оправдать насилие используется в молодежной работе. Насилие – порвать на прохожем майку, сорвать спектакль, устроить погром на выставке – стало визитной карточкой движения «Божья воля» и его лидера Дмитрия Цорионова (Энтео).

Эти хулиганские выходки Энтео и его единомышленников вскрыли серьезную проблему в самой Русской Церкви. Они проявили, сделали явной и очевидной внутреннюю проблему

⁹ Из всех искусств для нас важнейшим является история. Российская газета. 28.08.2015 // <http://www.rg.ru/2015/08/26/pravda.html>. Проверено: 24.09.2015

Русской Церкви, которая разделила церковных людей на два лагеря: это – отношение к силе и насилию. Оказывается, что есть немало православных, которые симпатизируют насильственным действиям не только во имя политических или экономических целей, но и в том, что мы называем свидетельством о Христе, в проповеди. Насилие оказалось для значительной группы и священников, и мирян очень притягательным и квалифицируется как *христианский поступок*.

Громкая хулиганская акция в Манеже привела к тому, что «православные активисты», вместо того чтобы быть осужденными церковным общественным мнением – и, может быть, даже церковным судом, – стали фактически *героями*. Теперь они определяют тренды в церковной среде. Цорионов сумел навязать риторику «оскорбленных чувств» значительной части Церкви. В частности, Цорионов оказался законодателем мод в отношении современного искусства – демонизируя его целиком и полностью.

Сумеет ли Церковь избавиться от этой подмены и увидеть дух, глубоко чуждый Евангелию? «Молодежная работа» Цорионова – это проповедь насилия, эгоизма и самолюбования, лишь слегка прикрытая красивыми словами о миссии, христианских ценностях и т. п.

Возвращаясь к началу доклада, отмечу, что, на мой взгляд, основной характеристикой так называемых «правых» является склонность к насилию и к оправданию насилия. Станет ли это характерной чертой современного Православия – вопрос открытый. Соблазн велик.